

Владимир Галактионович Короленко

Черкес

**Короленко Владимир
Галактионович
Черкес**

Владимир Галактионович Короленко
Черкес

Очерк

I

- Иван Семеныч, а Иван Семеныч!..

- М-м-м... - послышалось в ответ из глубины повозки.

- Только и есть у них: мычат, как коровы. У-у, падаль, прости господи, а не унтер, чтоб вас язвило!..

Я не видал лица жандармского унтер-офицера Чепурникова, произносившего злобным голосом эти слова, но ясно представлял себе его сердитое выражение и даже сверкающий глубокою враждой взгляд, устремленный в том направлении, где предполагалось неподвижное, грузное тело унтер-офицера Пушных.

Ночь была темна, а в нашей повозке, конечно, еще темнее. Колеса стучали по крепко замерзшим колеям, над головой чуть маячит переплет обтянутого кожей верха: он казался темным полукругом, и трудно было даже разобрать, действительно ли это переплет над самой головой или темная туча, несущая-

ся за нами в вышине. Фартук был задернут, и в небольшое пространство, оставшееся открытым, то и дело залетали к нам из темноты острые снежинки, коловшие лицо, точно иглами.

Дело было в ноябре, в распутицу. Мы ехали к Якутску; путь предстоял длинный, и мы мечтали о санной дороге. На станциях обнадеживали, что от Качуга по Лене уже ездят на санях, но пока нас немилосердно трясло по замерзшим колеям.

Унтер-офицер Чепурников отдернул фартук. Резкая струя ветра ворвалась к нам, и Пушных зашевелился.

- Ямщик! Что, еще далече до станции?

Ямщик наш был одет в пеструю и мохнатую собачью доху, а так как темные пятна этой дохи сливались с темною же, как чернила, ночью, то на облучке нам виднелась лишь странная куча белых заплаток, что производило самое фантастическое впечатление.

- Верстов еще с десять, - слышалось оттуда.

- Хлопаешь зря: едем-едем - все десять верстов.

Чепурников нервничал и сердился.

Ямщик равнодушно пробурчал что-то, несколько придержал лошадей и набил трубку. Мгновенно вспыхнувший огонек осветил невероятной формы мохнатую шапку, обмерзшее лицо, отвернувшееся от ветра, и скрючившиеся от мороза руки.

- Ну, ты, поезжай, что ли! - сказал Чепурников с холодным отчаянием.

- Сейчас!

Огонек погас, и на облучке опять замелькало только созвездие из беловатых пятен.

Телега качнулась, мы задержали фартук и вновь понеслись вперед среди холода и темноты.

Чепурников нервно ворочался и вздыхал, Пушных сладко всхрапывал. Этот гарнизонный счастливец обладал завидною способностью засыпать мгновенно при всяких обстоятельствах, и это служило главной причиной глубокой ненависти, которую питал к нему, несмотря на недавнее знакомство, его дорожный товарищ. Последний пытался доказывать неоднократно, что Пушных не имеет никакого "полного права" своею грузною фигу-

рой занимать большую половину места, назначенного для троих. Пушных при этом жмурился и стыдливо улыбался. Он позволял даже Чепурникову всячески тиранить себя каждый раз при усаживании в повозку. Желчный унтер-офицер порывисто запихивал куда-нибудь его ноги, подбирал и укладывал руки, заталкивал в самый дальний угол его спину, гнул его и выворачивал, точно имел дело с тюфяком, а не с живым человеком.

- Вот... вот!.. так... этак!.. - приговаривал Чепурников, толкая и пихая какую-нибудь часть рыхлой фигуры товарища. - Р-раздуло вас, прости господи, горой!..

Пушных конфузливо и виновато улыбался.

- Чем же я, Василий Петрович, в эфтим случае... Мы все, то есть, родом экие!.. Ой, Василь Петрович, ты мало-мало полегче пихайся.

Чепурников окидывал взглядом свою упаковку и оставался недоволен.

- Бес-с-совестные! - ворчал он.

Надо заметить, что оба мои спутника принадлежали к разным родам оружия, и Чепурников, как жандарм, считал себя неизмеримо

выше Пушных уже тем, что его служба вменяла в обязанность тактичное и вежливое обращение. Поэтому он обращался даже к Пушных не иначе, как во множественном числе, хотя при этом высказывался нередко довольно бесцеремонно: "Бессовестные вы этикие чурбаны!" - говорил он, например.

Но, в сущности, все мы понимали, что совесть тут ни при чем. Особенно же когда, проехав версты полторы. Пушных засыпал, как камень, - тут уж вступали в силу положительно одни физические законы: Пушных, как тело наиболее грузное, опускался на дно повозки, вытесняя нас кверху.

То же случилось и в эту холодную ночь. Чепурников жался к краю повозки, я кое-как сидел в середине, стараясь не задавить Пушных, который все совал под меня голову с беспечностью сонного человека. Я всматривался в темноту: какие-то фантастические чудовища неясно проползали в вышине, навевая невеселые думы.

- Ну и командировка выдалась!.. Не фартит мне, да и только! - сказал Чепурников с глубокою грустью и с очевидною жаждой сочув-

ствия.

Мне было не до сочувствия. Для меня эта "командировка" была еще менее удачной, и мне казалось, что это у меня на душе проплывают одни за другими бесформенные призраки, которые неслись там, в вышине.

- Эх, и что бы месяц раньше! Купил бы я в Качуге шитик, поставил бы парус - и катай себе вниз по Лене до самого Якутска. Ведь это, как вы думаете, экономия?

- Конечно, экономия.

- То-то вот, что экономия... А как по-вашему, сколько?..

- Не знаю...

- А вот погодите, рассчитаем. Три тысячи верст, по четыре с половиной копейки, это выходит по сту по тридцати пяти рублей с лошади. Ежели теперь на четверку да на обратный путь хоть, скажем, на две лошади... Поэтому экономия составляет сот восемь рублей на одних прогонах. Так или нет?

Чепурников рассчитывал с каким-то сладострастным наслаждением и потом сказал со злостью:

- А теперь вот и за одну лошадь, смотрите,

останется ли? Вспомните мое слово: станут нам дальше и четвертую лошадь припрягать. Такой подлец народ стал, такой подлец - и сказать вам не могу. Это чтобы служащему человеку сколько-нибудь уважить - никогда!

Мне от этих расчетов было ни тепло, ни холодно. Пушных напоминал о себе сладким мычаньем сквозь сон.

- Да вот тут еще с этим делись, с чурбаном! - желчно закончил Чепурников. - А спрашивается теперь: за что?

Он смолк. Темная дорожная ночь тянулась без конца, а колокольчик, казалось, бился и стонал на одном месте. Туманы продолжали ползти в вышине какими-то смутными намеками на что-то необыкновенно печальное. Чепурников вздыхал и злился рядом со мной, продолжая раздражать себя расчетами экономии, утерянной только потому, что меня бог не послал ему месяцем ранее.

Но вот повозка быстро забилась на ухабах, колокольчик заболтал что-то несвязное, слышался хриплый лай ленских собак, более похожий на какой-то очень жалобный вой, и в промежутке между фартуком и верхом по-

возки проплыл яркий огонь фонаря, раскачиваемого ветром на верхушке полосатого столба.

Станция.

Я стал выбираться из повозки, разминая отекавшие члены. Чепурников захватил узелок с провизией и стал бесцеремонно тормозить Пушных. После нескольких пинков беспечный унтер-офицер промычал что-то, зевнул протяжно и сладко и стал вываливаться из телеги.

- Полоски (сабли) захватите, - крикнул ему Чепурников на ходу, - да револьверы!

Но Пушных в эту минуту, стоя уже на земле и заложив руки за голову, сладко тянулся, хрустя суставами, и зевал.

Когда он вошел через минуту в теплую станционную комнату, потирая по-детски кулаками заспанные глаза, в руках у него не было ни "полосок", ни револьверов, которые остались в повозке.

II

Я сел к столу и, облокотившись на него, смотрел перед собою, отдаваясь ощущению тепла и отдыха. Глаза мои были открыты, но

все предметы принимали для меня какие-то фантастические формы. Стены комнаты раздвигались, и я опять видел себя далеко на дороге, в темной повозке. Только в углу повозки приютилось теперь какое-то странное животное на четырех изогнутых ножках; оно сердито шипело на меня, фыркало и лязгало зубами, сквозь которые пробивалось пламя, пылая на меня жаром. От этого я начинал ужасно грустить, и тогда глаза мои инстинктивно искали на стене картину, изображавшую возвращение блудного сына. Блудный сын стоит на коленях, а старик отец протягивает над ним благословляющую руку. У старика было доброе лицо, и он так благосклонно глядел, а быть может, еще и до сих пор глядит на проезжающих со стен всех станций, на протяжении всей Лены. Почтенный старец! Он столько раз и так радушно встречал меня своим благословляющим жестом, что я положительно привязался к нему и, входя в любую станцию, утомленный угрюмыми приленскими видами, тотчас же разыскивал его глазами. И в эту минуту я стремился к нему под защиту. Тут ли он? Да, он тут, и, значит, я не на холо-

ду, а в светлой комнате, и сердитое животное, пыхающее огнем, только железная печурка, жарко натопленная листовенничными дровами. Да, старик тут, и, значит, у меня есть добрый знакомый в этом далеком и неприветливом краю, в этом маленьком домике с полосатыми столбами, приютившемся у подножия угрюмых и мрачных хребтов.

Пушных, положив руки на стол и голову на руки, тихонько всхрапывал, а Чепурников суетился один, то подкладывая дров, то распорядываясь относительно самовара. Наконец он удалился за перегородку, и через минуту оттуда послышался сначала просто любезный, а потом и дружеский разговор.

- Я очень доволен; я даже так рассуждаю, - говорил писарь, - что вас ко мне сам бог послал, право. Можете верить слову.

Под дальнейший тихий шепот новых приятелей я совсем заснул.

Кто-то тронул меня за руку. Я открыл глаза и не сразу сообразил, в чем дело. Надо мной стоял жандарм Чепурников, и на его обыкновенно подвижном лице теперь лежало какое-то застывшее выражение. Он трогал

мою руку, а сам смотрел в окно. Я невольно посмотрел туда же, но ничего особенного не увидел. В стекла глядела ночь, и только пушистые снежинки, налетая из мрака, садились снаружи на черные стекла и тотчас же таяли. Казалось, какие-то белые насекомые с любопытством заглядывают в нашу комнату и через мгновение бесшумно отлегают в темноту, чтобы сообщить кому-то о том, что они увидели в стационарной избушке...

- Что такое? - спросил я с невольной тревогой.

Чепурников сел на стул и с тем же задумчивым видом перевел на меня свои карие глаза.

- А-а, господин... - сказал он тоном доверия. - У нас тут такое дело налаживается, просто уж и не знаю. В один день человеком сделаешься!

- Человеком? - переспросил я, все еще не отряхнувшись от сна. - Что ж, это отлично!

- Верно, в один день, господин!.. - и Чепурников вперил в меня долгий, в душу проникающий взгляд. - Вот, - заговорил он вдруг вкрадчиво, - вы, например, люди образован-

ные и стоите за бедноту. А можете ли вы понимать служащего человека?

- Ну?

- Служащему человеку требуется голову свою как-нибудь прокормить и какой-нибудь дивидент себе приобрести. Так ли я говорю ай нет?

- Так в чем же дело?

- В том дело, - ночевать здесь придется!

- Ну, и прекрасно.

- То-то. А не быть бы мне в ответе, потому нам по инструкции воспрещается... Так уж вы, в случае чего, ни-ни... Так, дескать, встретились, только и всего... На станке, при перепряжке... Поняли?

- Положим, ничего не понял. С кем встретились?

- А вот погодите... Гаврилыч, вылезай-ка сюда!

Станционный писарь, внимательно следивший за разговором из-за перегородки, тотчас же вышел. Это был человек лет тридцати, в стоптанных валяных калошах, повязанный грязным шарфом; движения его не лишены были некоторой торжественности. Видно, что

жизнь на станции и общение с "проезжающими господами" способствовали развитию в нем некоторых возвышенных наклонностей.

- Это он верно вам говорит, - наклонился писарь ко мне, уставляясь в меня своими большими черными глазами, немного напомиравшими чахоточного. Дело первой важности - большие можно тысячи приобрести...

- Вот! - подчеркнул Чепурников, испытующе заглядывая мне в лицо.

Я опять протер глаза. Этот шепот, важный вид говоривших, застывшие взгляды и загадочные слова казались мне просто продолжением какого-то бессвязного сна.

- Да в чем наконец дело? - спросил я с досадой.

- В черкесе-с... - И взгляд писаря стал еще многозначительнее. - Неужто про черкеса не слышали? Лицо по всей Лене знаменитое.

- Я здесь в первый раз.

- Извините, не сообразил. Позвольте, я вам объясню. Этот черкес да еще с другим, товарищем по спиртовому делу, у нас первые... То есть, проще вам сказать, спиртоносы, на прииска запрещенным способом спирт доставля-

ют и выменивают рабочим на золото. Отличные дела делают.

- Ну-с?

- Ну-с, больше ничего, что завтра этот черкес будет здесь...

Он наклонился к моему уху.

- Золото в Иркутск везет китайцам продавать... Ежели теперича сам бог нам его в руки дает - это значит божие благословение... Третья часть в нашу пользу, остальное в казну...

- Понимаю... Но неужели он так беспечен, что прямо дастся вам в руки?

- Какое дастся! Дьявол - не человек. Не первый раз уже... Летит сломя голову, ямщикам на водку по рублю! Валяй! Лишь бы сзади казаки да исправник не пронюхали да не нагнали. А у нас народ на станках робкий... Да и на кого ни доведись - страшно: с голыми руками не приступишься. Ну а теперь все-таки люди военные. Можно его и взять.

- Ежели нам удастся, и вы счастливы будете, господин! - сказал Чепурников, у которого загорелись глаза. - Тысячи и на ваш фарт не пожалею.

- Да уж только бы пофартило, - все так же

поучительно прибавил писарь, - а уж дуванить-то будет чего.

- Я думаю, казенного проценту за поимку тысяч тридцать. А лошадей все равно свободных нету, - наивно схитрил Чепурников, взглянув на писаря.

- Ну, как знаете. Мне никаких денег не нужно, а ночевать я согласен с величайшим удовольствием.

- Берите, не отказывайтесь. Мы вас обижать не согласны.

Я вышел из-за стола и стал укладываться на диване. Перспектива провести целую ночь в теплой комнате под благословляющею десницей почтенного старца была так соблазнительна, что в моей отяжелевшей голове не было других мыслей... Чепурников с писарем удалились за перегородку и продолжали там свою беседу о предстоящей кампании.

- Верно ты знаешь, что завтра?

- Да уж верно тебе говорю. Болдин сказывал. Выпили мы тут с ним, он и проговорился... Они меня не боятся, потому я и сам в прежние времена, признаться сказать...

- А трудно... - слышалось через минуту.

- Трудно. Храбрость имеет большую. Черкес настоящий, молодчина!

- Отчаянный?

- Да уж без засады не взять.

- А как ничего нету?

- Чудак! Ведь уж мне тогда здесь не житье - неужто стану рисковать.

Я заснул. Мне казалось, что я забылся только на мгновение, но, очевидно, прошло довольно много времени. На станции было тихо, на столе стоял самовар и чайные приборы. Очевидно, мои спутники успели напиться чаю и улеглись спать. Свеча была погашена, и только железная печка освещала комнату вспышками пламени.

- Гаврилов! - послышался вдруг тихий оклик Чепурникова. - Не спите?

- Не сплю.

- А знаете, я ведь рассчитал.

- Ну?

- Тридцать две тысячи восемьсот сорок рублей пятьдесят копеек.

- Н-да, - сказал Гаврилов из своего угла, - капитал хороший. Только бы бог помог.

- Дай-то господи! Капитал отличный. Вот

бы Марфа моя Степановна обрадовалась!

- Н-да. Возымели бы мы с тобой хорошую копейку...

Сильным сопением Пушных напомнил собеседникам о своем существовании.

- Ишь, сопит свинья! - с презрением сказал Чепурников. - А ведь и ему придется дать.

И через полминуты он добавил с закипающей досадой:

- Спрашивается: с какой стати?

Опять тишина.

- Гаврилов, а Гаврилов!

- Что?

- А вы верно знаете, сколько с ним золота?

- Верно. По этому самому расчету они уж и раздували в тайге. Черкес с Мандрыковым за себя весь песок взяли!

- Гм... Жалко!

- Что тебе жалко?

- Маловато выходит.

- Что так?

- Да так, не хватает мне мало-мало по моим расчетам. Еще бы мне тысячки хоть три, я бы на Горе у вдовы у Мятусовой домик купил. Славный домик, с огородом и с мензелинчи-

ком. А теперь придется у Степанова купить. Тоже домик ничего, а нет того виду... Тот на господскую ногу... Я ведь службу-то брошу...

- Бросишь?

- Ну ее! С капиталом какая надобность? Теперь я перед каждым офицером тянусь, а тогда он у меня, офицер, на чашку кофею будет зван. Так ай нет?

- Пустое! - сказал писарь решительно.

- Как пустое?

- Так, суета, честолюбие одно, - подтвердил Гаврилов философски. Думаешь, хорошо: станешь ты по этой причине форсить, нос кверху драть? Нет, брат, хорошего тут мало...

Я насторожил уши. Писарь говорил тихо, и голос у него мне показался чрезвычайно приятным. Я устал от холодного, угрюмого пути и от этих жестких, наивно-грабительских разговоров. Мне показалось, что я наконец услышу человеческое слово. Мне вспомнились большие глаза Гаврилова, и в их выражении теперь чудилась мне человеческая мечта о счастье...

- Вот ты как разговариваешь, - сказал несколько озадаченный Чепурников. - Ну, а

ты что станешь делать?

- Я?.. Мне бы привел господь, я бы женился.

- А ты разве неженатый?

Гаврилов сделал на своей постели нетерпеливое движение.

- Ты знаешь ли, - спросил он резко, - почему в нашей стороне пул хлеба?

- Пожалуй, не рупь ли с полтиной...

- То-то. Так неужто же при наших обстоятельствах жениться?

- А ты бы другого места поискал.

- Бывал и в других местах. Не фартит. На приисках служил и спирт нашивал... Только и нажил что ломоту в ногах. Нет, по нашему месту надо совсем бессовестному человеку быть, тогда станешь богат...

- А невеста есть?

Гаврилов молчал. Слабый огонек его сигарки как-то задумчиво вспыхивал и угасал за перегородкой. Писарь курил и мечтал.

- Поглядываю тут на одну. Да что! Я беден, она и того беднее. Так и не говорил ей ни разу... Другое бы дело, кабы бог помог... Уехали бы мы с ней из этого гиблого места, зажили бы себе тихонько, свое бы дельце завели.

- Какое бы ты дело стал заводить?

- Я-то?

- Да.

Опять Гаврилов замолчал, как будто не решаясь посвятить Чепурникова во святая святых своих мечтаний.

- Кабак в своем месте открыл бы, - сказал он. - Чего лучше? Спокой!.. А народ у нас к вину наваженный...

III

Огонь в печке угасал. Как это часто случается после сильной усталости, я спал плохо. Забываясь вполовину, я терял минутами сознание времени, но вместе с тем ясно слышал порывы ветра, налетавшего с ленской стороны, слышал, как он шипит снаружи у стен и сыплет снегом в окна.

Вдруг с одним из этих порывов до меня долетел слабый звон колокольчика. Звук этот чуть коснулся слуха и тотчас же потонул в шипении метели. Но через минуту он повторился, опять исчез и потом зазвенел яснее, дольше, с короткими перерывами. Чуткий Гаврилов поднялся за перегородкой, зажег свечу и кинул несколько поленьев в печку.

- Ох-хо-хо! - зевнул он и перекрестил при этом рот. - Господи-владыко, царица моя небесная!.. Кого еще бог дает, уж не почтмейстер ли? Едет что-то шибко... Простого пассажира этак не повезут...

Дверь отворилась. Староста в дохе и теплой шапке появился на пороге с ручным фонарем.

- Проезжающий, Степан Гаврилович! Слышите, что ль?

- Слышу. Пожалуй, не почтмейстер ли из Киренска. Торопи ямщиков на всякий случай. Чтоб без задержки.

- Выкатили. Лошадей хомутают.

- Чтобы живо!

- Единым духом... - И голова старосты исчезла за дверью.

- А? Что тут такое? - встрепенулся вдруг Чепурников и сел на полу, тревожно бегая по комнате глазами.

- Ничего. Проезжающие.

- Черкес?

- Какой тебе черкес... Спи ложись.

Чепурников упал на подушку. Он спрашивал сквозь сон.

Стук копыт и звон колокольчика стихли у ворот.

Слышно было, как ямщики торопливо выпрягают лошадей, побрякивая снимаемым колокольчиком, и еще по временам доносился со двора чей-то резкий, повелительный голос.

Заслышав этот голос, Гаврилов вдруг насторожился и стоял несколько секунд удивленный и неподвижный, с полуоткрытой станционной книгой в руках. Вдруг на лестнице послышались шаги; Гаврилов вздрогнул.

Дверь отворилась, староста просунул голову и сказал:

- Черкес это приехал.

Писарь побледнел и как-то метнулся к Чепурникову, но тот уже вскочил как ужаленный, сел на стул и протирал глаза:

- А, что? Где черкес? Да вставайте же вы, лежебоки!..

Хотя он говорил во множественном числе, но восклицание относилось к одному Пушных, лежавшему на полу у его ног. Несмотря на вежливую форму обращения на "вы", он толкнул грузного унтер-офицера так сильно,

что тот сразу обнаружил признаки жизни. Он замычал, встал на четвереньки и стал тихо подниматься, точно на спине его лежала громадная тяжесть. Писарь суетился, зажигал за чем-то стеариновую свечку на столике у зеркала. Чепурников шарил по стульям, разыскивал под платьем оружие... Вообще за минуту перед тем спавшая в безмолвии и темноте станционная комната теперь ожила и была полна движения.

А на все это движение смотрел с порога высокий стройный человек, в котором с первого взгляда можно было узнать так страстно ожидаемого и все же так неожиданно нагрянувшего черкеса.

IV

Я видел, как он вошел. Едва только староста успел отойти от двери, как она опять отворилась, и черкес, беспечно держась за ручку, занес ногу на порог. Из темных сеней его фигура выступила с отчетливою резкостью. Это был старик лет пятидесяти пяти, с сухим и жестким лицом, гладко обритым. По лицу он напоминал скорее немца, но рыжая черкеска, подбитая мехом, и затем вся фигура с крутою

грудью, тонким станом и упругими движениями обличали ссыльного горца. Он был перетянут тонким кожаным поясом, на котором спереди, наискось, висел красивый кинжал, сзади револьвер в кожаном чехле и, наконец, толстый шнурок, очевидно тоже от револьвера, терялся в кармане.

Свет ударил ему в глаза: он прижмурился, как кошка, и, увидев форменные шинели, мгновенно отшатнулся. Я заметил, как выражение вражды и частью испуга промелькнуло в его черных глазах, странно загоревшихся под седыми бровями. Мне казалось, что я уловил также оттенок печали, который можно заметить в глазах травленого зверя, внезапно попавшего в засаду. Затем он как-то инстинктивно выпрямился, быстрым и привычным движением тронул ручку кинжала и еще раз оглянул всю комнату, останавливая на каждом из нас мгновенный взгляд, острый, ясный и испытующий. Все это продолжалось две-три секунды. Затем он шагнул в комнату.

- Здравствуйте! - сказал он спокойным тоном, которому отчасти противоречили все еще беспокойно бегавшие взгляды.

- А, что такое?.. Да, здравствуйте, здравствуйте, - растерянно ответил Чепурников и, наклонившись к равнодушно усевшемуся на стуле Пушных, прошипел:

- Куда вы девали револьверы... скоты вы такие?..

- Чего лаешься? - громко ответил Пушных. - Что с твоими револьверами делается?.. В повозке.

Все как-то примолкли после этого ответа. Гаврилов кинул на обоих солдат укоризненный взгляд и покачал головой.

- Пожалуйте вашу подорожную, - обратился он к черкесу, стараясь своею развязностью покрыть неловкость. Глаза у черкеса вспыхнули, как у тигра, заметившего опасность; он вынул из кармана свернутую бумагу и кинул ее на стол.

- Зачем кидать... можно подать, я думаю, - обиженно сказал Гаврилов.

Черкес не обратил внимания на это замечание. Он держался чутко, настороже. Острый взгляд его опять быстро обежал всех находившихся в комнате, и вдруг я почувствовал его на себе. Глаза наши встретились. Он

рассмотрел мое лицо, мое платье, мой чемодан, стоявший у дивана, опять взглянул на солдат и составил свое заключение; потом он быстро придвинул стул и сел недалеко от меня, полуобернувшись ко мне спиной, лицом к остальным.

Гаврилов раскрыл книгу, но, видимо, не торопился записывать подорожную. Он опрокидывался на спинку стула, то и дело заглядывая из-за своей перегородки в стационарную комнату. Порой он делал Пушных какие-то знаки, от которых на жирном лице грузного унтер-офицера проступали явственные признаки изумления. Черкес холодно смотрел на эти маневры и играл рукояткой кинжала.

Между тем сконфуженность Чепурникова прошла, и юркий унтер-офицер, видимо, подыскивал план. Он сел на край стула, опершись об угол стола, в позе, обличавшей готовность воспользоваться благоприятною минутой. Но черкес сидел против него на расстоянии комнаты, зоркий, чуткий и напряженный. Тогда Чепурников посмотрел на меня умоляющим взглядом. Я понял: если б я быст-

ро вскочил, то, пожалуй, мог бы схватить черкеса сзади. Во всяком случае, я мог бы всяким своим движением произвести опасную для осажденного диверсию, которую Чепурников не преминул бы воспользоваться.

Чтобы выяснить свою роль, я слегка шевельнулся. Черкес вздрогнул, взглянул на меня через плечо, и его внимание, видимо, раздвоилось между мной и Чепурниковым. Но я заложил руки за голову, приняв позу наблюдателя. Чепурников с очевидною горестью убедился, что я бесповоротно занял нейтральное положение.

Черкес поправился на стуле и спросил насмешливо, обращаясь прямо к Чепурникову:

- Далече едешь?

- До Якутска. А вы?

- Мы не далече.

- А откуда, дозвоьте, к примеру, узнать?

- Мы? Из Олекмы.

- Та-ак. А как там насчет, например, пути.

По Лене на санях ездют ли?

- А как же... Очень ездют. Мы и сам до Качуг в своем возке ехал. Мы думал - всюду санной дорога. А здесь нет санной дорога. Знал

бы, не ехал бы. Плохо. А ты слушай, друг! - обратился он к писарю. - Ты пиши резво. Лошади готовы, у тебэ не готово...

- Ох-хо-хо-о! - потянулся Чепурников с какою-то неестественною беспечностью. - Пойти и нам собираться. Ну-ко, Пушных, пойдём-ко-те, что я вам скажу.

Пушных посмотрел на товарища с удивлением. Очевидно, его еще не посвятили в дело. Чепурников двинулся было к дверям, но черкес, вдруг выпрямившись, точно стальная пружина, слегка отодвинул его локтем, и от этого движения юркая небольшая фигурка унтер-офицера очутилась в углу у перегородки, а черкес стал рядом. Все это было сделано так легко и незаметно, что когда он сказал Чепурникову: "Погоди, друг, вместе ходим", то эта фраза казалась действительно дружеским приглашением. Глаза Чепурникова забегали по всей фигуре черкеса, однако он остался у перегородки.

- Давай! - сказал черкес писарю, протягивая руку за подорожной.

- Не записано еще.

- Давай говорю! После кончаешь!

Он быстро взял со стола бумагу. Я невольно залюбовался им: его лицо было теперь повелительно и строго, а движения напоминали красивые и грозные повадки тигра. Теперь все здесь уже понимали друг друга, за исключением, конечно, одного Пушных. Черкес был в комнате один, и в случае свалки против него были бы трое: грузный унтер-офицер, без сомнения, принял бы немедленно участие в битве. Успех легко мог склониться на сторону нападающих, но первый шаг был самый страшный...

- Теперь хочешь, так ходим вместе, - сказал черкес Чепурникову. погоди! Хочешь у меня возок покупать - покупай.

Чепурников быстро согласился, видимо обрадованный новой провололочкою.

- Где он у тебя?

- В Качуге, записку тебе даю. Знакомому человек...

- Дорого продаешь?

- Тридцать рубля. Кожаный верх. Пятьдесят стоит. Бери!

Торгуясь, черкес кидал жадные взгляды на чайник. Он ехал без остановок и здесь, быть

может, рассчитывал отдохнуть и напиться чаю. С последними словами он быстро подошел к столу, налил стакан из остывшего чайника и, повернувшись спиной ко мне и Пушных, жадно выпил холодный чай одним глотком, не спуская глаз с жандарма. Глаза Чепурникова сверкали, лицо было красно и потно. Он готов был кинуться на черкеса, но упустил удобное мгновение. Когда он рванулся к столу, черкес уже стоял в небрежной позе, с рукой у пояса.

- Давай, что ли, записку, - сказал Чепурников глухо, чтобы чем-нибудь объяснить свое порывистое движение.

Черкес вынул записную книжечку, набросал в ней несколько слов и вырвал листок: все это он сделал одной рукой, стоя у стола и не теряя из виду покупателя. Его брови были сдвинуты, сухое лицо побледнело. Видно было, что напряжение этих минут не проходит ему даром. Чепурников был взволнован еще сильнее.

- Бери! - кинул черкес записку. - Деньги отдашь в Качуге.

- Хорошо.

- Идем вместе!

Они вышли рядом, плечо к плечу. Черкес шел легко, как кошка, слегка приподымаясь на носках, стройный, гибкий и напряженный. Чепурников рядом с ним казался маленьким и неуклюжим, но во всей фигуре унтер-офицера виднелись упрямство и злая решимость.

Гаврилов, с расширенными зрачками и почти задыхающийся, кинулся к Пушным и начал его тормошить.

- Что ж вы сидите? Эх, вы! А еще унтер-офицер. Ступайте живее!

Пушных поднялся и покорно, вяло пошел из комнаты.

Я тоже накинул пальто, надел валенки и выбежал на крыльцо.

Метель стихла, но снег шел густо, и тройка лошадей у крыльца виднелась точно сквозь сетку. Ямщик только что взобрался на козлы. В открытой перекладной сидела какая-то темная фигура. Еще две фигуры подошли к повозке.

- Ну, прощай, друг. Езжай сам здоров! - сказал черкес, и в голосе таежного коршуна слышалась насмешка.

- Прощай, - глухо отвечал Чепурников.

Я видел, как они подали друг другу руки.

- Прощай, но... прощай! - повторил черкес, и, при вторичном прощании, в голосе пробились уже беспокойство: унтер-офицер не выпускал его руки из своей.

- Играешь, что ли?.. Смотри, не надо! - резко проронил черкес, и затем несколько сухих звуков на непонятном языке полетели в повозку.

В глубине крытого возка слышалось движение.

- Иг-раю, - еще глуше и с усилием ответил Чепурников, точно у него сдавило горло. - Давай, послушай... поборемся... кто сильнее? право, ей-богу...

Я понимал настроение Чепурникова. Он не решался кинуться один на опасного противника, но и не в силах был глядеть равнодушно, как он сядет и уедет, увозя с собой все только что расцветшие надежды...

Началась возня... несколько коротких секунд... Чепурников упал на землю, а черкес вскочил в повозку.

- Пшо-о-ол! - крикнул он дико и пронзи-

тельно. Испуганные лошади взяли с места, телега загрохотала по колеям и исчезла в снежном сумраке, только несколько раз еще донеслись до нас из темноты взвизгивания черкеса: пшо-о-ол, пшо-о-ол!.. Казалось, это были крики возбужденного, опьяневшего человека.

Мы кинулись к Чепурникову.

- Что с вами? - спросил я у него.

- Ничего, ничего... Ка-ак он меня толкнул, дьявол, - сказал он, подымаясь, - и понять не могу!.. Ну и вы все... Не могли его сзади тогда... Эх!

Он говорил трудно, точно что-то сдавливало его горло.

Из ямщицкой выбегали ямщики, которых позвал Гаврилов, но было уже поздно: удаляющийся звон колокольчика слышался как-то тупо, приглушаемый густо падавшим снегом, только дикие взвизгивания черкеса прорезали еще несколько раз ночной воздух, точно резкие крики ночной птицы.

Эти звуки, полные дикого возбуждения, надолго остались у меня в памяти, и впоследствии не раз, когда я с стесненным сердцем смотрел на угрюмые приленские виды, на

этот горизонт, охваченный горами, по крутым склонам которых теснятся леса, торчат скалы и туманы выползают из ущелий, - мне всегда казалось, что этот дикий крик хищника носится в воздухе над печальной и мрачной страной.

- Фью-ю-ю! - свистнул Гаврилов и махнул рукой. - Теперь катит-заливается - до Иркутского никто уж не остановит. А там...

- Да хоть и остановил бы, нам какой барыш!..

- Нет, не остановят. Никто и не знает. Кончен бал! Эх, господа, служба-а! - прибавил он с глубокой укоризной, и его черные глаза долго не могли оторваться от снежной мглы, в которой вместе со звуками колокольчика утопали недавние его мечты о женитьбе и о спокойной жизни.

V

Повозка, проданная нам черкесом, несколько утешила Чепурникова. Это был превосходный возок, крытый кожей, просторный и даже со стеклянными дверцами... Черкес, продав его за тридцать рублей, заплатил нам дорогую цену за один стакан холодного

чаю.

На следующую же ночь, выехав из Качуга, мы могли улечься довольно удобно втроем, а так как по Лене действительно установилась уже санная дорога, то мы не тряслись по ухабам и не особенно страдали от беспечного эгоизма Пушных.

Для одного Чепурникова возок имел особого рода неудобство. Он слишком растравлял его воспоминание о неудаче и не позволял ему думать ни о чем другом.

Следующею же ночью я крепко заснул под скрип полозьев, как вдруг меня разбудила странная возня. С трудом высвободившись из-под барахтавшихся в возке моих провожатых и прижавшись в угол, я зажег спичку. Чепурников пыхтел и отчаянно тормозил Пушных, который, по обыкновению, только мычал, не давая себе отчета в том, что с ним происходит.

- Что вы делаете, Чепурников, - окликнул я, хватая унтер-офицера за руку. Но он уже очнулся.

- С нами крестная сила!.. - сказал он, крестясь и с изумлением взглядывая на товари-

ща.

Спичка погасла. Чепурников сел на свое место.

- Фу-ты, наваждение! - сказал он сконфуженно.

- Ты это... как можешь драться, а? - спросил Пушных несколько гнусавым и обиженным голосом.

- А ну вас! Все этот черкес - даже во сне снится, проклятый...

Но, помолчав с минуту, Чепурников вдруг прибавил со злостью:

- А вы думаете, я вам из экономии-то дам сколько-нибудь? Ничего не дам, вот! Будь у меня настоящий товарищ, мы бы теперь оба людьми стали.

Утром, уже подъезжая к станции, я проснулся опять. Чепурников не спал и глядел в окно возка, которое он опустил до половины. Увидев, что я открыл глаза, он сказал, по-видимому выражая вслух продолжение своих мыслей:

- Нет! Невозможно было. Это надо жизни своей решиться... Бог с ним и с капиталом... Подошел я тогда к повозке, а там у него баба

сидит на рундучке. Поверите, и у той револьверы да кинжалы, вся, как пушка, иззаряжена... Глядит оттуда, точно сова... Ну и народец!..

Я выглянул наружу. Снег продолжал валить хлопьями, в воздухе белело. За горами занималась уже, вероятно, заря, но сюда, в глубокую теснину, свет чуть-чуть преломился, и темнота становилась молочной. Возок покачивался, ныряя в этом снежном море, и трудно было бы представить себе, что мы действительно подвигаемся вперед, если бы сквозь мглу не проступали призрачные вершины высокого берегового хребта, тихо уплывавшего назад и развертывавшего перед глазами все новые и новые очертания...

А снег все валил, покрывая землю, и на сердце все больше налегала тоска. Ряды невеселых мыслей развертывались в воображении, как ряды этих сумрачных сопок...